

РАЗДОР С БОЯРАМИ

Иван IV желал заранее подготовить наследника к его будущей роли. После вступления во второй брак он распорядился выделить 7-летнему царевичу Ивану и его младшему брату Федору особый двор в Кремле с отдельным штатом прислуги. При царевичах была образована своя Боярская дума во главе с боярином Василием Яковлевым-Захарьиным и свояком царя князем Василием Сицким-Ярославским. В письме к Курбскому Грозный сетовал, что для бояр «Прозоровского полътараста четьи Федора сына дороже». Приведенные слова дают основания предположить, что отец выделил царевичам вотчинные владения. На суде Сицкий, как боярин царевича Федора, отстаивал его земельные интересы. По завещанию отец намеревался передать Федору вместе с Ярославем все вотчины ярославских князей, перешедшие в казну. Спор произошел из-за 150 четвертей, на которые претендовали одновременно Дворец и князь Прозоровский-Ярославский. Боярский суд во главе с Курлятевым, как видно, не мог разобраться в запутанном по-земельном деле и обратился за разъяснениями к государю, что привело венценосца в ярость. Обращаясь к Курбскому, Грозный напомнил ему об обидном «утеснении»: «...явленно, еже с Курлятевым нас хотесте судить про Сицково».

Выделенные царевичам вотчины должны были обеспечить продовольствием Сытенный, Кормовой и Хлебный прика-

зы («Кормового ж дворца дворовые люди, которые были у царевичев»).

Отец Грозного Василий III вершил дела в кругу нескольких доверенных советников — «сам-третий у постели». Иван IV, отставив Сильвестра и Адашева, попытался возродить отцовские порядки. В связи со вступлением во второй брак он дополнил свое завещание несколькими важными распоряжениями. В случае своей смерти Иван приказал образовать при царевичах опекунский совет. Следуя по стопам Василия III, он назначил себе семь душеприказчиков. Облеченные регентскими полномочиями бояре принесли присягу на верность наследнику и скрепили подписями специальную «запись», сохранившуюся до наших дней. Как видно, Грозный во всем следовал отцовскому примеру. Тем не менее опекунский совет, созданный им, казался бледной тенью первой семибоярщины.

Иван IV сделал старшим регентом племянника — князя Мстиславского, фигуру вполне бесцветную, и ввел в опекунский совет бояр Данилу Романовича и Василия Михайловича Юрьевых-Захарьиных, Ивана Петровича Яковлева-Захарьина и Федора Ивановича Умного-Колычева, а также князей Андрея Телятевского и Петра Горенского, не имевших боярского чина. Из пяти бояр, входивших в регентский совет, трое принадлежали к семье Захарьиных, а четвертый был их однородцем. Фактически в новой боярской комиссии распоряжались родственники умершей царицы Анастасии, не пользовавшиеся авторитетом и популярностью среди знати. К ним присоединились молодые друзья царя — Телятевский и Горенский — люди новые и никому не известные.

Вне нового правительства остались не только старшие удельные князья — Старицкие и Бельские, но и руководители Боярской думы — ближние бояре князь Дмитрий Курлятев, Иван Шереметев и Михаил Морозов, покоритель Казани князь Александр Горбатый и другие лица.

Знать легко простила бы Грозному отставку его худородных советников Адашева и Сильвестра, но она не желала мириться с покушением на прерогативы думы. Попытки Ивана

править единодержавно, без совета с великими боярами, с помощью нескольких своих родственников вызвали повсеместное негодование. Кичившаяся своей «царской кровью» аристократия всегда с пренебрежением взирала на родню Анастасии Захарьиной. Теперь их стали считать узурпаторами.

Захарьиным в самом деле удалось сосредоточить в своих руках все нити правления. Когда царь по случаю второго брака «разделился» с сыновьями, Захарьины возглавили думу и двор царевичей. Отныне в отсутствие Грозного управление государством переходило формально в руки малолетнего наследника, фактически в руки Захарьиных.

Прекрасно сознавая значение новых органов управления — приказов, Захарьины попытались взять под контроль приказной аппарат. Их ставленник Никита Фуников, подвергшийся опале при Адашеве, был возвращен из ссылки и возглавил центральное финансовое ведомство — Казенный приказ. Сподвижник Фуникова дьяк Иван Висковатый стал государственным печатником. Важнейшая приказная документация теперь должна была проходить утверждение в канцелярии Висковатого, хранителя царской печати. Новый «канцлер» (так называли его иностранцы) начал свою деятельность с того, что заменил «меньшую» великокняжескую печать большой печатью, украшенной символом самодержавия: «Орел двоеглавой, а середина его человек на коне, а на другой орел же двоеглавой, а середина его инърог» (единорог).

Фактическое отстранение вождей аристократической думы и попытки возврата к единодержавному правлению привели к тому, что влияние высшей приказной бюрократии заметно возросло. Идеолог боярства Курбский, переживший падение Избранной рады, самым решительным образом протестовал против ущемления привилегий знати и передачи функций управления в руки приказных бюрократов. Писарям русским, утверждал он, «князь великий зело верит, а избирает их ни от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичей или от простого всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих».

Не менее резкое суждение о новых сановниках высказывал другой защитник старины, Тимоха Тетерин, выходец из старой дьяческой фамилии. Царь больше не верит боярам, писал Тетерин одному знатному боярину, есть у него «новые верники-дьяки... у которых дьяков отцы вашим (бояр) отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют».

Борьба за власть разъединила царскую родню.

Двоюродный дядя царя по матери Василий Михайлович Глинский получил боярский чин в 1560 г. Его отец был регентом при малолетнем Иване IV, и князь рассчитывал занять подобающее место в опекунском совете при царевиче Иване. Но Захарьины не допустили его в совет. В июле 1561 г. царь подверг дядю опале. Вслед за ним опале подверглись многие другие лица, принадлежавшие к высшей знати.

Иностранцы (немец Буссов, поляк Немоевский) описали церемонию царской опалы. Опальному объявляли вину, после чего подвергали весьма своеобразной казни — выщипывали волосы из бороды. Дернуть за бороду значило нанести человеку страшное бесчестье. Борода была символом боярской чести. Впавший в немилость сановник должен был носить черные одежды и выказывать смирение, снимая шапку перед встречными.

Неизвестно, в чем конкретно обвиняли опального Глинского, но он недолго пробыл в опале. По ходатайству Макария он был прощен, но с него взяли поручную запись. Боярин признался, что преступил перед государем, и взял на себя обязательство «не ссылатися ни человеком, ни грамотами» с польским королем, немедленно выдать властям людей, которые учнут с ним «думати о литовской посылке и отъезде», не приставать к лихим людям «в уделех».

Знать литовского происхождения первой отреагировала на перемены в Русском государстве. Близкой родней Глинских был князь Дмитрий Вишневецкий. Когда в Москве возник проект образования в Кабарде вассального Черкасского княжества, Иван IV предложил трон Вишневецкому. В 1560 г. князь вы-

ехал в Пятигорск. Однако уже летом 1561 г. он был сведен «с государства», после чего уехал на Днепр и завел тайные сношения с Сигизмундом II. 5 сентября князь получил королевскую охранную грамоту на въезд в Литву. В ноябре он явился в Москву, где назревали важные события.

В январе 1562 г. власти арестовали главу Боярской думы князя Ивана Бельского, владельца Луховского удельного княжества. Бельские также были литовскими выходцами. При аресте у князя были найдены королевские охранные грамоты с приглашением к отъезду в Литву, а также роспись пути до литовской границы. Глава думы повинился в том, что ссылаясь с Сигизмундом II и грамоту от него «опасную взял, что мне к нему ехать». Царь подверг Бельского опале и три месяца держал под стражей. Удельное княжество перешло в казну.

Измена была налицо. Но Бельский избежал наказания по причинам, о которых можно судить лишь предположительно. Удельный князь был близкой родней царя по мужской линии, а, кроме того, его мать была двоюродной сестрой государя. Иван Бельский получил боярский чин после падения Адашева, менее чем за год до опалы. Иван IV добивался покорности от Боярской думы и желал поставить во главе ее своего родственника, молодого боярина, который был бы вполне ему послушен. Примечательно, что за Бельского не заступился никто из старших бояр, считавших себя униженными. Главный поручитель по опальному был князь Семен Микулинский, никогда не входивший в ближайшее окружение царя и записанный в списке думы по Дворовой тетради девятнадцатым. Другие поручители — князь Иван Троекуров, Юрий Кашин и Михаил Репнин — были записаны в конце того же списка. Поручители князь Федор Оболенский и Владимир Морозов стали боярами скорее всего уже после ареста Бельского или незадолго до его ареста.

Вывод очевиден. Самые влиятельные силы в думе остались в стороне от конфликта между царем и его родней. Более того, старшие бояре надеялись извлечь выгоду из придворной ссоры и пересидеть новоиспеченного главу думы.

Кроме малозначительных бояр, за Бельского поручились свыше сотни княжат и детей боярских из состава Государева двора. В случае побега опального за рубеж поручители должны были выплатить 10 000 рублей и ответить своей головой, иначе говоря, жизнью.

Под давлением думы и духовенства власти прекратили расследование. Это позволило князю Вишневецкому беспрепятственно покинуть Москву. Вслед за тем он бежал за литовский рубеж.

Единственными сообщниками Бельского были объявлены трое незнатных дворян, занятых в подготовке его побега. Всех их примерно наказали. Бельскому вернули удел и пост главы думы.

Ливонская война продолжалась и требовала огромных расходов. Новое правительство должно было позаботиться о пополнении фонда государственных земель, чтобы обеспечить поместьями обедневших дворян и дворянских «новиков», пришедших в службу. Захарьины не осмелились посягать на монастырские земли, но они не забыли о проектах землемерия — уравнивания в землях, то есть об изъятии в казну излишков земли у богатых землевладельцев и передаче их оскудевшим служилым людям. Сподвижники царя имели все основания рассчитывать на то, что меры такого рода обеспечат им популярность среди дворян.

Столкнувшись с неповиновением знати, Иван IV пришел к мысли, что ему не одолеть «непослушников», пока те владеют огромными земельными богатствами. Полемизируя с Курбским, царь объявил, что намерен ограничить княжеское землевладение по примеру деда и отца. По его указанию руководители приказов приступили к разработке Уложения о княжеских вотчинах, получившего силу закона после утверждения в думе 15 января 1562 г. Новое Уложение категорически воспрещало княжатам продавать и менять старинные родовые земли. Выморочные княжеские владения, которые доставались прежде монастырям, теперь объявлены были исключительной собственностью казны. Братья и племянники

умершего князя-вотчинника могли наследовать его земли лишь с разрешения царя. У вдов и дочерей «великие вотчины» отбирались с известной компенсацией. Правительство заявило о своем решении пересмотреть все сделки на княжеские вотчины, имевшие место после смерти Василия III и до момента введения в жизнь Уложения о службе 1556 г. Все княжеские вотчины, перешедшие в руки «иногородцев», подлежали теперь отчуждению в казну с известной компенсацией либо безвозмездно. Приговор четко очертил круг семей, на которые распространялось действие нового земельного закона. В этот круг входили некоторые удельные фамилии (например, Воротынские) и вся суздальская знать (князья Суздальские-Шуйские, Ярославские, Ростовские и Стародубские). Ограничения не распространялись, однако, на крупнейших удельных владык (князей Старицких, Глинских, Бельских, Мстиславских), из чего следует, что земельная политика начала 60-х годов не приобрела последовательного антиудельного характера.

Княжеская аристократия отнеслась к новым земельным законам резко враждебно. Курбский обвинил Грозного в истреблении суздальской знати и разграблении ее богатств и недвижимых имуществ. Его гневные жалобы с очевидностью показали, сколь глубоко меры против княжеско-вотчинного землевладения задели интересы родовой знати. Бояре громко жаловались на нарушение старинных привилегий думы.

Новое земельное Уложение не затрагивало интересов руководителей думы в лице Бельских и Мстиславских. В ином положении оказались трое наследников Воротынского удела, не связанных родством с династией. При разделе княжества лучшую треть получил старший из наследников — князь Владимир. После смерти Владимира выморочная треть перешла в руки его вдовы, но на нее претендовали также двое младших братьев Воротынских — Михаил и Александр.

Удельное княжество Воротынских было их наследственной родовой вотчиной. Их владения включали крепости Одоев, Новосиль, Перемышль. Удельная армия, по словам Курбского, насчитывала несколько тысяч воинов.

Согласно официальной версии, князь Михаил «погрубил» государю. Видимо, он требовал возврата выморочной доли удельного княжества. Это отразилось на его карьере. «Порода» и воинские заслуги давали Михаилу право на присвоение боярского чина. Он так и не получил его, но уже при Адашеве ему был пожалован почетный титул «слуги». На Александра Воротынского Иван IV держал «гнев великой» со времени своей свадьбы в 1561 г. Тем не менее в 1562 г. младший из братьев Воротынских стал боярином.

Имя Воротынских было названо в Уложении 1562 г. После издания нового закона Воротынские потеряли всякую надежду на возвращение им главных городов княжества. Прошло немногим более полувека с тех пор, как Воротынские покинули Литву и стали служить Москве.

Литовские власти нимало не сомневались, что Воротынские пострадали из-за того, что их владения располагались на литовском рубеже и двое братьев готовились бежать из России.

15 сентября 1562 г. Грозный наложил опалу на братьев Воротынских «за их изменные дела». Слугу Михаила отправили в тюрьму на Белоозеро. Его брата посадили «в тын» на посаде в Галиче.

Дума и духовенство пытались заступиться за Воротынских, но добились помилования лишь для младшего из братьев. За Бельского вступились немногие младшие бояре, за Александра Воротынского — все руководство думы: Иван Бельский, Иван Мстиславский, князь Андрей Ногтев-Суздальский, трое князей Оболенских, а также Алексей Басманов. Бояре и дети боярские из состава Государева двора поручились за Воротынского наибольшей суммой в 15 000 рублей.

В апреле 1563 г. ходатайство митрополита способствовало тому, что князь Александр Воротынский получил свободу. Опальный с трудом пережил катастрофу. Через год-два после освобождения он ушел в Троице-Сергиев монастырь и там умер.

Одновременно с удельными владыками гонениям подверглись «великие бояре», которые были подлинными вершите-

лями дел при Адашеве. Власти объявили опалу бывшему ближнему боярину князю Дмитрию Курлятеву, главному покровителю Сильвестра. Официальная летопись нарочито туманно повествует о неких «великих изменных делах» Курлятева, но не разъясняет, в чем они состояли. Помимо летописи, о деле Курлятева упоминает также опись царского архива XVI в. После суда над Сильвестром Курлятев уехал на воеводство в Смоленск, откуда прислал царю грамоту. Эта грамота попала в архив и была описана следующим образом: «Да тут же грамота княж Дмитриева Курлятева, что ее прислал государь, а писал князь Дмитрий, что поехал не тою дорогою, да и списочек воевод смоленских». На первый взгляд оправдательная грамота воеводы Курлятева не имела большого значения. Но в глазах царя она обладала каким-то особым смыслом, ибо он передал документ в архив, служивший хранилищем самых важных государственных бумаг.

Загадочные документы по делу Курлятева ставят перед исследователем ряд вопросов. Почему смоленский воевода стал оправдываться перед царем, что поехал не той дорогой? Куда он мог заехать из крепости, стоявшей на самой литовской границе? Само собой напрашивается предположение, что Курлятев предпринял попытку уйти из Смоленска в Литву, но был задержан и старался доказать царю, будто заблудился в дороге. То, что он «заблудился» со всем своим двором и вооруженной свитой, вызвало особое подозрение у властей и послужило уликой против опального. Недаром царь приложил к «делу» Курлятева список смоленских воевод, «в котором году сколько с ними было людей», и велел хранить его вместе с отпиской боярина.

Становится понятным и тот факт, что Курлятев, посланный в Смоленск на год, в действительности пробыл там очень недолго и до истечения срока был смещен с воеводства. Ненавистного царю «великого боярина» вместе с сыном постригли в монахи и отослали «под начало» в отдаленный монастырь на Коневец на Ладожском озере.

Царь не мог без раздражения вспоминать само имя Курлятева. В письме к Курбскому он писал: «А Курлятев был поче-

му меня лутче? Ево дочерем всякое узорочье покупай — благословно и здорово; а моим дочерем — проклято да заупокой». Может быть, боярин пострадал за неосторожные слова по поводу своих и царских дочерей? Едва ли. Скорее, причина заключалась в другом. По обычаю люди подносили подарки ближним по случаю рождения детей в семье. Придворные не скупились на подарки дочерям всесильного вельможи Курлятева, стараясь снискать его благосклонность. В то же время царевны вместо подарков удостаивались заупокойной службы. Все они умерли во младенчестве. Грозный был уверен, что его жена и дочери приняли смерть из-за того, что их «счаровали» и прокляли лихие люди.

В конце концов самодержец выместил гнев на всей семье Курлятевых. Жена Курлятева и ее дочери были насильственно пострижены и отвезены в глухую Челмогорскую пустошь в окрестностях Каргополя.

Курбский назвал расправу с Курлятевым и его малолетними детьми «неслыханным беззаконием».

Отстранение от власти наиболее влиятельных лиц фактически привело к образованию боярской оппозиции. Лишенная возможности противодействовать произволу царя, аристократия все чаще обращала взоры в сторону Польско-Литовского государства, где шляхетские вольности были ограждены законами. Магнаты в Польше обладали могуществом, а королевская власть была выборной. Король не мог занять трон без согласия вельмож.

Сведения, поступавшие из России, вдохновляли военную партию в Польше. В тронной речи перед польским сеймом Сигизмунд говорил, что стоит войску польскому вступить в пределы Московии, как многие бояре и благородные воеводы, притесненные тиранством изверга, добровольно пристанут к его королевской милости и перейдут в его подданство со всеми своими владениями.

Российская аристократия рассчитывала на помощь западных соседей. Но еще в большей мере ей приходилось полагаться на внутренние силы. Опалы ожесточали знать. Единственным

выходом для нее была замена монарха. В качестве преемника царя все чаще называли его двоюродного брата князя Владимира Старицкого.

В течение многих лет главными соперниками Старицких при дворе были Захарьины. С удалением из столицы Сильвестра князь Владимир лишился самого влиятельного доброхота при дворе брата. Приход к власти Захарьиных знаменовал полное поражение Старицких. Захарьины были заклятыми врагами удельного князя.

Княгиня Евфросинья Старицкая была готова возобновить интригу, неудачно кончившуюся во время династического кризиса 1553 г. Но ее происки мало что значили сами по себе. Трон Грозного зашатался вследствие внутреннего политического кризиса. Ситуацию усугубило то обстоятельство, что оппозиция рассчитывала получить военную помощь извне. Несмотря на старания недовольных, им не удалось избежать огласки и суда.

Во время полоцкого похода в конце 1562 г. на сторону литовцев перешел знатный дворянин Борис Хлызнев-Колычев. Изменник «побеже ис полков воеводских з дороги в Полтеск и сказа полочаном царев и великого князя ход к Полотску с великим воинством и многим нарядом». Перебежчик выдал неприятелю важные сведения о планах русского командования.

Беглец был ближним человеком у князя Владимира Андреевича, а потому его измена бросила тень на князя. Царь решил учредить надзор за семьей брата. Сразу после падения Полоцка в Старицу к Евфросинье Старицкой выехал с «речами» Федор Басманов-Плещеев, новый фаворит царя, пользовавшийся его исключительным доверием. Когда 3 марта 1563 г. князь Владимир выехал из Лук в Старицу, его сопровождал царский пристав Иван Очин, родня Басмановых. Внешне еще ничто не омрачало отношений между Грозным и его братом. В марте 1563 г. Грозный по пути в Москву остановился в Старице и «жаловал» Старицких, «у них пировал». Затем в конце мая он уехал в Александровскую слободу и пробыл там почти два месяца. Именно в этот период власти получили донос, по-

ложивший начало розыску об измене царского брата. Доносчик Савлук Иванов служил дьяком у Старицких и за какие-то провинности был посажен ими в тюрьму.

Из темницы Савлук ухитрился переслать царю «память», в которой сообщал, будто Старицкие чинят государю «многие неправды» и держат его, дьяка, «скована в тюрьме», боясь разоблачения. Иван велел немедленно же освободить Савлука из удельной тюрьмы. Доставленный в Александровскую слободу, дьяк сказал на Старицких какие-то «неисправления и неправды». «По его слову, — сообщает летопись, — многие о том сыски были и те их неисправления сысканы».

Розыск об измене Старицких тянулся все лето. С начала июня и до 17 июля царь безвыездно находился в Александровской слободе. Иностранным послам в Москве объявили, будто государь с боярами уехал в село «на потеху». В действительности царь был занят совсем не шуточными делами. В связи с начавшимся розыском в Слободу прибыли митрополит и руководство Боярской думы — бояре князя Иван Бельский, Иван Мстиславский, Иван Пронский, давний враг Старицких Данила Романович Юрьев-Захарьин и дьяк А. Щелкалов. Следствие вступило в решающую фазу.

Вина князя Владимира оказалась столь значительной, что царь отдал приказ о конфискации Старицкого княжества и предании суду удельного владыки. Судьбу царской родни должно было решать высшее духовенство. (Боярская дума в суде формально не участвовала. Царь не желал делать бояр судьями в своем споре с братом. К тому же в думе было слишком много приверженцев Старицких.) На соборе царь в присутствии князя Владимира огласил пункты обвинения. Митрополит и епископы признали их основательными, но приложили все усилия к тому, чтобы прекратить раздор в царской семье и положить конец расследованию.

Конфликт был улажен чисто семейными средствами. Царь презирал брата за «дурость» и слабование и проявил к нему снисхождение. Он полностью простил его, вернул удельное княжество, но при этом окружил людьми, в верности которых

не сомневался. Свою тетку — энергичную и честолубивую княгиню Евфросинью — Иван не любил и побаивался. В отношении ее он дал волю родственному озлоблению. Евфросинье пришлось разом ответить за все. Нестарой еще женщине, полной сил, приказали надеть монашеский куколь. Удельная княгиня приняла имя старицы Евдокии и стала жить в Воскресенском Горицком монастыре, основанном ею самой неподалеку от Кириллова. Опальной монахине позволили сохранить при себе не только прислугу, но и близких боярынь-советниц. Последовавшие за ней слуги получили несколько тысяч четвертей земли в окрестностях монастыря. Воскресенская обитель не была для Евфросиньи тюрьмой. Изредка ей позволяли ездить на богомолье в соседние обители. Под монастырской крышей старица собрала искусных вышивальщиц. Изготовленные в ее мастерской вышивки отличались высокими художественными достоинствами.

Проступки удельных князей давали царю удобный повод ликвидировать последний крупный удел на Руси. Но Грозный не использовал эту возможность. Сколь бы опасными ни казались династические претензии князя Владимира, он был слишком бездеятелен и недальновиден, чтобы завоевать широкую популярность среди дворянства, а среди знати у него было довольно много недоброжелателей, главными из которых оставались князья Суздальские-Шуйские. (Они были повинны в смерти князя Андрея Старицкого и расхищении его имущества.) Сравнительно мягкое наказание удельных князей объяснялось, возможно, тем, что царя все больше тревожил нараставший конфликт с многочисленной суздальской знатью. Очевидно, царь не желал окончательно лишиться поддержки своих ближайших родственников в тот момент, когда положение династии стало неустойчивым. С ведома царя официальная летопись поместила краткий и нарочито туманный отчет о суде над старицким удельным князем и о выдвинутых против него обвинениях. Из этого отчета следовало, что в 1563 г. князь Владимир и его мать были изобличены в неких «неисправлениях и неправдах». Со временем Грозный сам приоткрыл завесу сек-

ретности, окружавшую первый процесс Старицких. «А князю Владимиру, — писал он, — почему было быти на государстве? От четвертого удельного родился. Что его достоинство к государству, которое его поколение, разве ваши (бояр) измены к нему, да его дурости?.. Яз такие досады стерпети не мог, за себя есми стал». Иван высказал свои обиды много позже. Могло показаться, что после суда царь поспешил предать забвению досадную ссору в собственной семье. Но на самом деле это было не так.